

Петербургские типы в прозе Н.А. Некрасова и в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»

ELENA A. FEDOROVA, *Demidov Yaroslavl State University*
sole11@yandex.ru

Received: July 28, 2017.

Accepted: November 15, 2017.

АННОТАЦИЯ

Предшественниками героев романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» - Родиона Раскольникова и Сони Мармеладовой – можно считать героев повести «Записки из подполья» - Парадоксалиста и Лизу. В свою очередь, эти образы создавались под влиянием петербургских типов Н.А. Некрасова, как и Семен Захарович и Катерина Ивановна Мармеладовы. В повестях 1840-50-х годов Н.А. Некрасов, создавая своих петербургских героев, ищет новые приемы характеристики под влиянием «натуральной школы». Главная особенность героев Некрасова и Достоевского – отсутствие цельности, внутренняя расколотость. Героини Некрасова, соединяя в себе детскость и гордость, являются предшественницами героинь Достоевского, - Катерины Ивановны и Сони Мармеладовой. Но, если у Некрасова на первый план выходит социальная проблематика произведения, то Достоевский больше внимание уделяет психологии и душевно-духовному состоянию героев.

Ключевые слова: Н.А. Некрасов, «натуральная школа», петербургские типы, Ф.М. Достоевский, «Преступление и наказание».

Peterburg Types in Prose of N.A. Nekrasov and in the Novel *Crime and Punishment* by F.M. Dostoyevsky

ABSTRACT

Predecessors of the heroes of the novel F.M. Dostoyevsky's *Crime and Punishment* - Rodion Raskolnikov and Sonya Marmeladova - you can consider the heroes of the novel *Notes from the Underground* - Paradoxalist and Lisa. In turn, these images were created under the influence of the Petersburg types N.A. Nekrasov, like Semen Zakharovich Marmeladov. In the stories of the 1840s-50s N.A. Nekrasov, creating his Petersburg heroes, is looking for new techniques of characterization under the influence of the "natural school". The main feature of the heroes of Nekrasov and Dostoyevsky is the lack of integrity, internal splitting. The heroines of Nekrasov, combining childishness and pride, are the predecessors of Dostoyevsky's heroines - Katerina Ivanovna and Sonya Marmeladova. But, if Nekrasov's social problematic comes to the fore, Dostoyevsky pays more attention to psychology and the spiritual and spiritual state of the characters.

Keywords: N.A. Nekrasov, "natural school", Petersburg types, F.M. Dostoyevsky, *Crime and Punishment*.

Предшественниками героев романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» - Родиона Раскольникова и Сони Мармеладовой – можно считать героев повести «Записки из подполья» - Парадоксалиста и Лизу. В свою очередь, эти образы создавались под влиянием петербургских типов Н.А. Некрасова, также как Семен Захарович и Катерина Ивановна Мармеладовы.

Творческий путь Н.А. Некрасова и Ф.М. Достоевского начался в 40-е годы XIX века, оба писателя находились под влиянием «натуральной школы». Некрасов в это время исследовал особенности жизни северной столицы и петербургские типы.

Ю.М. Проскурина отмечает общие черты литературы 40-х годов: пристрастие

натуральной школы «к человеку ничтожному, убитому обстоятельствами», не находящему «в себе никаких сил для выхода из стесненного положения»; трагический пафос как следствие фатальной обусловленности человека средой; усугубление трагедии героя любовной ситуацией (Проскурина, 2013: 17, 19). Противоположностью этому «маленькому человеку» оказывается женщина с сильным характером, которая постепенно входит в литературу 50-х годов (Проскурина, 2013: 20). Подобные герои обнаруживаются в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» - это Семен Захарович Мармеладов и Катерина Ивановна.

Очерк Н.А. Некрасова «Петербургские углы» (1844) содержит описание петербургских «углов» и обитающих там типов (Некрасов, 1921: 6). Один из петербургских героев, созданных Некрасовым, - Зеленый Господин. Автор отмечает амбициозность и внутреннюю расколотость этого персонажа: «В нем было что-то такое, что уносит с собой актер в жизнь от любимой хорошо затверженной роли, которую он долго играл на сцене. В самых смешных и карикатурных движениях, неизбежных у человека нетвердого на ногах, замечалось что-то степенное, что-то вроде чувства собственного достоинства, и, говоря с вами даже о совершенных пустяках, он постоянно держал себя в положении человека, готового произнести во всеулышание, что добродетель похвальна, а порок гнусен. От этих резких противоречий он был чрезвычайно смешон...» (Некрасов, 1921: 19). В этих качествах (амбициозность, разрыв между внешним и внутренним) герои становятся «двойниками» и антиподами главных героев: Зеленый Господин - Тростникова, Мармеладов – Раскольников.

Как и Мармеладов, Зеленый Господин самоутверждается, вспоминая о прошлом: «Знаю о чем говорить: с Измайловым был знаком... к Гавриилу Романовичу был принимаем. У Яковлева на постоянном жительстве проживал... не знаешь ты, великий был человек!..» (Некрасов, 1921: 20). Образ жизни героев Некрасова и Достоевского также похож: после «получки» «зеленый господин уходил Бог знает куда и пропадал на несколько дней. Возвращался пьяный, нередко избитый, в грязи и без гроша» (Некрасов, 1921: 21).

Образ Тростникова, который поселяется в петербургском «углу», соотносится с образом Раскольникова. Героев Некрасова и Достоевского объединяет болезненное самолюбие, которое усиливается из-за изменения социального статуса. Тростников предупреждает читателя: «Вы меня покуда не знаете, но узнав хорошенько, увидите, что я человек щекотливый: принять меня за вора значит нанести смертельную обиду моему костюму и моей физиономии. Я не выдержал и назвал старуху дурой» (Некрасов, 1921: 8). Комната, куда поселился Тростников, сравнивается с могильным склепом, как и комната Раскольникова в романе Достоевского: «Комната была вышиною аршина в три с половиной и имела свой особенный воздух, подобный которому можно встретить только в винных погребах и могильных склепах» (Некрасов, 1921: 9).

Повесть «Жизнь Александры Ивановны» (1841) Н.А. Некрасова также содержит черты «натурального очерка». Описание Петербурга показано с помощью контрастов, которые объясняют и противоречия петербургских жителей: «Когда в центре Петербурга нет уже и признаков снегу, когда по Невскому беспрестанно носятся летние экипажи, а по тротуарам его, сухим и гладким, толпами прогуливаются обрадованные жители и жительницы столицы в легких изящных нарядах, - тогда в другом конце Петербурга,

на Выборгской стороне, царствует совершенная зима. [...] О, как далеко Выборгской стороне до Невского проспекта!» (Некрасов, 1966: 199). Соединение в пейзаже снега и дождя как отличительная черта Петербурга показаны в незаконченной повести Некрасова «Каменное сердце» (1856), его стихотворении «О погоде» (1858), а также у Достоевского в повестях «Двойник» (1846), «Записки из подполья» (1864). В повести «Каменное сердце» проводится параллель между петербургским пейзажем и героем: лицо молодого Глажиевского «в обыкновенном спокойном состоянии» «уподоблялось сероватой и мглистой осенней туче, готовой ежеминутно разрешиться дождем, пополам со снегом и слякотью» (Неизданные произведения Некрасова, 1918: 27).

Создавая образ Раскольников, Достоевский опирался на опыт изображения Парадоксалиста в «Записках из подполья». По мнению В.А.Викторовича, к числу героев, предшествующих «подпольному человеку» Достоевского, можно отнести и героя стихотворения Некрасова «Когда из мрака заблужденья»: Достоевский развернул потенциальные возможности сюжета данного стихотворения. Такой же тип, близкий к «подпольному человеку», покающийся, но возвращающийся «на круги своя», можно обнаружить в стихотворении Некрасова «Рыцарь на час» (1862) (Викторович, 1993). Прямым предшественником Парадоксалиста Достоевского считает К.В.Касаткина героя стихотворения Некрасова «Застенчивость» (Касаткина, 2016: 42). Кроме того, многие исследователи, начиная с М.М. Гина, обратили внимание на неоднозначность «подпольного героя» Достоевского. Так, Н.Ф.Буданова показала проявление самоиронии Парадоксалиста, цитирующего Некрасова (Буданова, 2015).

По нашему мнению, генезис «подпольного героя» Достоевского восходит к повестям Некрасова и к герою раннего коллективного рассказа Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, Д.В.Григоревича «Как опасно предаваться честолюбивым снам», который был опубликован в альманахе «Первое апреля» в 1848 году. Общим оказывается сюжет: мелкий чиновник сначала видит сон о своем восхождении по социальной лестнице, а потом, в действительности, испытывает унижение в глазах начальника, что он с трудом переживает. Объединяет этот рассказ и повести «Двойник», «Записки из подполья» Достоевского речевая характеристика героя, раскрывающая его внутреннее движение от амбициозности до неуверенности в себе, мотив зеркала и переодевания и желание героя «стушеваться», остаться не узнанным начальником, когда он оказывается на улице в неподходящем виде. В «Записках из подполья» Достоевского «угол» становится символом, объясняющим среду появления таких, как парадоксалист, людей. Эти сомневающиеся во всем герои противопоставляются людям, уверенным в незыблемости «законов природы» и того, что «дважды два четыре». Символом оппозиционеров парадоксалиста становится «стена», которую невозможно преодолеть.

На наш взгляд, ключевым словом, характеризующим «подпольного человека», является слово «стушеваться», которое появляется в повести Ф.М.Достоевского «Двойник» (1846), а затем дважды повторяется в повести «Записки из подполья» (1864). Это же слово встречается и в незаконченной повести Некрасова «Каменное сердце» (1856), а также в его лирической драме «Медвежья охота» (1866).

В повести «Двойник» слово «стушеваться» появляется в тот момент, когда Голядкин видит своего «двойника», который от него отличается тем, что не “любит стушеваться

и зарыться в толпе...” Обращаясь к области психиатрии, Н.Е. Осипов доказывает, что именно желание заменить себя другим человеком, уничтожить «я», «превратить в прах» после двух психических травм и является началом «удвоения» личности и появления галлюцинации (Осипов, 1927-1928). Вместо того, чтобы признать в себе наличие противоположных начал, сделать нравственный выбор, герой отказывается от личностного начала в себе.

Эта же проблема поднимается и в повести «Записки из подполья». Парадоксалист, вспоминая ссору в трактире у бильярда, осознает, что внешний конфликт с оскорбившим его офицером перешел в конфликт внутренний и жажду самоутверждения из-за его малодушия: «Ссора впрочем была в моих руках: стоило попротестовать и конечно меня бы спустили в окно. Но я раздумал и предпочел... озлобленно стусеваться» (Достоевский, 2007: 128). Во второй раз слово «стусеваться» появляется после речи, которой парадоксалист «перевернул душу» Лизы: «Я встал, встала и она и вдруг вся покраснелась, вздрогнула, схватила лежавший на стуле платок и набросила себе на плечи до самого подбородка. Сделав это, она опять как-то болезненно улыбнулась, покраснела и странно поглядела на меня. Мне было больно; я спешил уйти, стусеваться» (Достоевский, 2007: 162). В этой ситуации герой стремится вытеснить то лучшее, что пробудилось в нем самом во время его обращения к Лизе: «Но теперь, достигнув эффекта, я вдруг струсил» (Достоевский, 2007: 162). Неспособность сделать нравственный выбор, совершить свободный поступок возвращает Парадоксалиста к его размышлениям в первой части о людях как фортепьянных клавишах, на которых «играют законы природы». Раскольников, как Парадоксалист, испытывает противоположные чувства во время сцены с пьяной девочкой и при чтении письма матери.

В повести «Жизнь Александры Ивановны» (1841) Н.А. Некрасов, по утверждению В. Е. Евгеньева-Максимова, впервые затрагивает проблему положения опозоренной женщины в обществе, доказывая ее нравственную высоту по сравнению с ее соблазнителем, мачехой и благодетельницей (Евгеньев-Максимов, 1947: 170). Образ Александры Ивановны отличается болезненностью, как и образы героинь Достоевского, Катерины Ивановны и Сони: «Лицо ее было в полном смысле прекрасно; легкая бледность, как бы следствие недавней болезни, покрывала ее щеки и придавала ей еще более привлекательности; томная нега была разлита в ее голубых выразительных глазах» (Некрасов, 1966: 171).

Оказавшись в ситуации «опозоренной женщины», Александра Ивановна протестует против обвинений мачехи. Речь героини по своей патетике, «напыщенной фразеологии» (Евгеньев-Максимов, 1947: 275), показывает, что девушка воспитана на романтической литературе (поэтому поверила подобной риторике своего соблазнителя): «Я сносила всё, потому что была действительно виновата, хотя не столько, сколько вы меня обвиняли, но все-таки много, очень много. Я даже радовалась, когда вы терзали мое сердце; для меня тут была сладкая, невыразимая отрада: я чувствовала, что еще в земной жизни начинаю искупать заблуждения неопытной молодости... Но всему есть конец; в сердце человека есть такие струны, которые, когда их неосторожно затронут, нелегко смиряются при всех усилиях воли и разума» (Некрасов, 1966: 189). В этом монологе героини раскрывается ее противоречивая натура: с одной стороны,

проявляется смирение и готовность идти на унижения, с другой стороны, звучит гордость, которую сама героиня называет «благородной». Как и Александра Ивановна, Катерина Ивановна Мармеладова увлечена романтической литературой и играет роль романтической героини в романе.

Из чувства гордости Александра отказывается обратиться за помощью к своей благотельнице (Некрасов, 1966: 191) и выбирает путь искупления, изнуря себя тяжелым физическим трудом. У Достоевского Катерина Ивановна идет этим же путем.

Александра Ивановна у Некрасова соединяет гордость и кротость. Сочувствие к героине автор вкладывает в уста дворника: «Да молодая-то стоит на коленях перед образом и молится и горько плачет; так, сердечная, и заливаясь, больно глазам смотреть...» (Некрасов, 1966: 198). Софья Семеновна Мармеладова – это кроткий, а не гордый тип женщины. Но, как и в мачехе, в ней разделяется человек внешний и внутренний (одежда выдает род ее занятий). Раскольников пробуждает ее самосознание, как Парадоксалист пробуждает самосознание Лизы.

В работе «От Двойника к Собеседнику» (1927-1929) А. Ухтомский признается, что принцип доминанты, им разработанный, позволил ему по-новому взглянуть на повесть «Двойник» Ф.М. Достоевского. Между мыслями человека и действительностью находятся его доминанты, т.е. главенствующие направления его деятельности. По мнению А. Ухтомского, освободиться от Двойника можно в том случае, если делаешь упор на лицо Другого (Ухтомский, 2000: 353). Н. Ашимбаева, прочитав «Записные книжки» А.А. Ухтомского, обратила внимание на то, что в романе «Преступление и наказание» можно найти «классическую картину развития доминанты» (Ашимбаева, 2014: 197-198). Добавим, что самым замечательным в этом произведении является переключение с одной доминанты на другую, освобождение Раскольникова от своего «двойника» и движение его к «собеседнику».

Для того, чтобы выйти из порочного круга, в котором находится Раскольников, ему необходим Другой как «собеседник». Такую позицию занимает в общении с Раскольниковым Соня Мармеладова, которая выстраивает ценностную вертикаль в его сознании и для него играет роль матери (в черновиках мать просит Соню сохранить Раскольникова). Соня пробуждает в нем «цельное, новое, полное ощущение», с которым он целует землю (Достоевский, 2007: 506). В финале романа Раскольников бросается к ее ногам так же, как бросился к ногам матери после решения идти с повинной (Достоевский, 2007: 527). Главным со-бытием эпилога романа становится встреча двух «собеседников» в Соне и Раскольникове – доминантой их личности является сострадание: «Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого» (Достоевский, 2007: 527). Любовь как духовная сила возвращает героя к людям: «...все каторжные, бывшие враги его, уже глядели на него иначе. Он даже сам заговаривал с ними, и ему отвечали ласково» (Достоевский, 2007: 527).

Объединяет Некрасова и Достоевского то, что они в 40-60-е годы XIX века стремятся к анализу социальных и нравственных обстоятельств жизни своих героев. Можно утверждать, что героиня Некрасова – Александра Ивановна – является предшественницей героинь Достоевского – Катерины Ивановны и Сони Мармеладовой, Зеленый Господин – предшественник Мармеладова, Тростников – Раскольникова. Кроме

того, Достоевский и Некрасов приходят к диалогу, в котором происходит осмысление петербургского типа как рефлексирующего человека, у которого есть достоинство – пробуждающееся самосознание, но главным недостатком которого является внутренняя расколотость и неспособность к личностному нравственному выбору. «Угол» становится символом человека петербургского типа. Но, если у Некрасова на первый план выходит социальная проблематика произведения, то Достоевский больше внимание уделяет психологии и душевно-духовному состоянию героев. Именно этот диалог писателей поднимает главные проблемы русского общества и русского человека.

REFERENCES

- Ашимбаева, Н. (2014). Двойник или «Заслуженный собеседник». Некоторые вопросы поэтики Достоевского в свете взглядов А. Ухтомского на человека и его отношения с окружающим миром. В: Н. Ашимбаева (Ред.), *Достоевский. Контексты слов*. Сб. ст. (с. 194 – 204). СПб.: Серебряный век.
- Буданова, Н. Ф. (2015). “Записки из подполья” Ф. М. Достоевского: некрасовский текст и подтекст. *Русская литература*, № 2, 148-155.
- Викторович, В.А. (1993). Некрасов, прочитанный Достоевским. *Карабиха*. Ист.-лит. сб., Вып. 2. Ярославль, 123-133.
- Достоевский, Ф.М. (2007). *Полн. собр. соч. Канонические тексты*. Т. VII. Петрозаводск.
- Евгеньев-Максимов, В.Е. (1947). *Жизнь и деятельность Н.А. Некрасова*. М.-Л.: ГИХЛ.
- Касаткина, К.В. (2016). Тип «подпольного человека» в русской литературе XIX – первой трети XX в. Дис. ... к.ф.н.
- Неизданные произведения Н.А. Некрасова (1918). С объясн. ст. и прим. К.И. Чуковского. СПб.: Петербург.
- Некрасов, Н.А. (1921). *Петербургские углы* (рассказ). Со вст. ст. В. Евгеньева-Максимова. Петербург: Госиздат.
- Некрасов, Н.А. (1966). *Собр. соч.: в 15 т.* Т. 5 / Под общей ред. К.И. Чуковского. М.: Художественная литература.
- Осипов, Н.Е. (1927-1928). «Двойник». Петербургская поэма Достоевского (Заметки психиатра). *РГАЛИ. Ф. 2299 (Осипов)*. Оп. 1. № 11, 9-13.
- Проскурина, Ю.М. (2013). Своеобразие русского реализма середины XIX века. *Вестник Удмуртского университета*, Вып. 4, 17-24.
- Ухтомский, А.А. (2000). *Доминанта души: Из гуманитарного наследия*. Рыбинск: «Рыбинское подворье».